

Н. В. Берг

Записки
о польских заговорах
и восстаниях
1831 — 1862

Николай Берг

**Записки о польских заговорах
и восстаниях 1831-1862 годов**

Издательство «Кучково поле»

1873

Берг Н. В.

Записки о польских заговорах и восстаниях 1831-1862 годов /
Н. В. Берг — Издательство «Кучково поле», 1873

ISBN 978-5-9950-0021-1

"Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 годов"

Записки Николая Васильевича Берга основаны на нелегальной литературе и неопубликованных ранее документах официальных архивов. Сам автор являлся непосредственным участником событий 1863 года, когда в Польше вспыхнула очередная смута. Он наблюдал за развивающимися событиями и публиковал соответствующие заметки о польском бунте в "Санкт-Петербургских ведомостях". В конце 1864 года наместник Царства Польского граф Ф.Ф.Берг предложил ему собрать материал для истории польского восстания. Отдельной книгой "Записки" были опубликованы в 1873 году.

ISBN 978-5-9950-0021-1

© Берг Н. В., 1873

© Издательство «Кучково поле», 1873

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Васильевич Берг

Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 годов

Глава первая

Польская эмиграция в Европе. – Партии и комитеты. – Заговор Заливского. – Эмиссар Канарский. – Последствия его пропаганды.

С тех пор как мы управляем известной частью Польши, произошло несколько заговоров и восстаний, которые по преимуществу разыгрывались у нас, в Царстве Польском. Причиной тому отчасти естественное стремление заговорщиков к самому важному пункту, к ядру польского политического мира последних времен: поднять Царство и Варшаву, это значит сделать по крайней мере половину дела.

Мы считаем *естественным, неотразимым* восстанием Польши только одно: Костюшковское. Оно вытекло из событий просто, само собой, было натуральным следствием горьких обид и насилия, которым край перед тем подвергся. Польша должна была попытать свои силы, помериться с врагами. К тому же сил было довольно.

Восстание времен Наполеона нельзя считать чисто польским: поляки были тогда подняты враждебными для нас элементами, нахлынувшими с Запада – вот и все, а никак *не встали сами*.

Гонялись за мухой с обухом (например, в конце 20-х годов за каким-то безвестным Вестермейером); из доносов составлялись огромные книги на двух языках, русском и французском, – а заговор работал себе тут же преспокойно, и никто из тайных и явных полицейских чинов долго его не видел. О господах Вестермейерах и других безвредных личностях записывалось всякое чихание, а Высоцкий, чуть ли не главный автор восстания 1830 года, внесен в «книгу живота» всего один раз, по тому случаю, что «не явился на смотр на Саксонскую площадь»¹. Великий князь под конец был до того сбит с толку разноречивыми показаниями поли-

¹ Вот образчики того, как записывалось тогда за разными жителями Варшавы все то, что тайная полиция находила нужным записывать. «1 января 1827. Вестермейер вчера после обеда мало выходил, а только занимался рисованием. Сегодня с утра до трех часов пополудни не был в таких местах, которые бы заслуживали замечания. 2 января. Вчера после обеда, пошедши на Орлю улицу, в один заездный дом, спрашивал там, не приехал ли из местечка Томашова ситцевый фабрикант Цукбаум? После был в одном шинковом доме до позднего времени ночи». «Сегодня поутру был в костелах святого Яна и в Паулинском, – слушал проповедь, говоренную на немецком языке. Оттоль возвратился к себе и остался до четырех часов пополудни». «1 января 1829. У князя Любецкого вчера пополудни, в исходе восьмого часу, был отставной генерал Таньский 3/4 часа, а потом приезжавшие: чиновник комиссии народного просвещения Валерий Красинский и молодой граф Ельскийкий не были приняты». «Сегодня поутру приезжал к нему князь Любомирский, не застал дома и другой раз, в час пополудни, он же приезжал, но не был принят. В начале 2 часу старый Вицкий пробыл 3/4 часа». «2 января. К князю Любомирскому вчера пополудни, в половине 7 часу, приехал директор Почтамта граф Суминский; вскорости за ним – зять графа Замойского, князь Сапега и пробыли: первый 2,5 часа, а последний – 3 часа». «6 января. К княгине Зойончик вчера пополудни в 5 часов приехала на обед госпожа Бялопетрович. В 7 часов приехал к ней прусский генеральный консул Шмидт, по прибытии коего, через короткое время, госпожа Бялопетрович отъехала, а Шмидт пробыл около двух часов. Княгиня Зойончик имела ехать к кому-то на вечер, и уже подана была карета, но по прибытии консула Шмидта осталась у себя и никуда не выезжала». «29 января. К министру финансов князю Любецкому вчера пополудни, в половине третьего часу, пришла княгиня Зайончик, в три часа статский советник Дмитриев и вскорости за ним радца stanu граф Сераковский, который через полчаса вышел. Дмитриев пробыл 1 час, а княгиня Зойончик 2,5 часа. Князь Любецкий посылал живущего у него помещичьего сына Пусловского к презусу Подлясской воеводской комиссии, отдаленному за злоупотребления от должности, Старнальскому, и через 1,5 часа возвратился назад. Князь Любецкий обедал дома только с фамилией своей. В 8 часов был у него инспектор водяной коммуникации Ланге 1 час, потом презус Государственного Заемного банка, граф Ельскийкий. Механик француз Жерард и архитектор Мецель пробыли около двух часов». «Сегодня поутру, в исходе одиннадцатого часу, радца stanu Су-минский приехал в

цейских агентов, что решился ничему не верить, и когда, незадолго до взрыва, ему донесли о близкой опасности, он не принял никаких мер предосторожности и, как известно, едва не погиб.

Революция застала нас врасплох. Не будь этого, будь власти, особенно князь, хотя немного к этому приготовлены, думай о заговоре немного серьезнее, имей о нем более точные сведения, чем те, какие сообщались правительству в массе всяких секретных донесений, — огонь мог быть потушен в ту же минуту, и к утру 30 ноября (1830) многие жители даже и не знали бы, что готовился какой-то нешуточный взрыв. Как тушили пожар инструментами, которые пришлось выписать из России, это более или менее известно. Вскоре по взятии нами Варшавы вооруженные массы поляков перешли границу и разбрелись по Европе, унеся в недрах своих будущие заговоры, те революционные семена, которые долго потом давали свои плоды. Об этом-то мы и хотим рассказать читателям, как еще о мало известном.

Один из деятельных участников взрыва 29 ноября, бывший старый, сорокалетний поручик 1-го линейного полка, бог весть как попавший вдруг в полковники, Иосиф Заливский², при переходе расстроенных войск через Краков, когда они уже положили оружие, собрал кучу друзей в дом графа Ворцеля³ на Подгурже (предмесье Кракова) и заклинал их воротиться и продолжать восстание, говоря, что средства страны далеко еще не исчерпаны, что еще остался нетронутым низший класс, хлопы; что денег еще довольно, что крепости еще не сданы русским войскам. Но это были слова вопиющего в пустыне. Воротить, одушевить вновь упавших духом солдат было свыше сил не только Заливского, но и какого угодно любимого и славного вождя.

Заливский ограничился тем, что составил на Подгурже какой-то *Тайный комитет*, имеющий действовать при первом удобном случае; затем пустился странствовать по Галиции (Германии, Италии), везде ужасаясь тому, что делается его соотечественниками, критикуя жестоко только что минувшую революцию и давая постоянно чувствовать всем и каждому, что он, а никто другой, был автором 29 ноября. Так как Высоцкого налицо не было⁴, то Заливский мог говорить, что ему угодно, и легко разыгрывать роль первого и главного героя.

Триумфальное шествие поляков по Европе, симпатии всех наций, торжественные встречи, проводы, крики и слезы при виде гонимых роком отрепанных усачей, из которых многие сражались в рядах Наполеона; потом сочувственные приветствия газет, где, между прочим, три года сряду раздавался голос таких публицистов, как Гейне и Берне; наконец критическое положение огромной толпы, которой прежде всего надо было что-нибудь есть, — все это, соединясь вместе, не давало довольно долго установиться в эмиграции такой атмосфере, где могли быть услышаны какие бы то ни было воззвания патриотов. Эмиграция представляла на первых порах такой хаос, который пугал как ее самое, так и тех, кто отважился дать ей пристанище. От оборванных усачей несло дымом битв и революцией. Франция, где осели главные волны эмигрантов, только что сама освободилась от разных тревог. Земля ее еще колебалась, и ей было вовсе не до того, чтоб ухаживать за чужими, блуждающими по свету революциями. Прибавление таких опасных горючих материалов к тому, что не улеглось еще как следует дома и тоже требовало забот и ухода, было, конечно, не по сердцу правительству Людо-

Комиссию финансов, оттуда ходил через коридор к князю Любецкому и через полчаса отъехал. После был у него помещик Скржеческий четверть часа, а в половине второго часу пополудни радца стану Грабовский пробыл 1 час». Далее о Любецком рассказывается, что ему на одном английском заводе делали карету, причем в шины колес пошло более стали, чем железа. Еще об одном лице рассказывается, что когда он приехал в Варшаву, то ожидавший его на заставе человек подал ему шляпу.

² Он принимал деятельное участие в заговоре 1830 года и в день взрыва брал арсенал. О его характере и действиях у Мохнацкого, позн. издание 1863, т. II, стр. 300 и далее.

³ Кажется, того самого, что жил после в Лондоне и умер там в феврале 1857 года, как глава жалких остатков Централизации, о коей будет сказано ниже.

⁴ Найден спрятавшимся под зарядный ящик, когда наши войска взяли предместье Волю (где был небольшой бастион), и сослан в Сибирь. Возвращенный по амнистии 1856 года, Высоцкий, как говорили, поселился в местечке Варке, в 70 верстах от Варшавы, где, кажется, живет и поныне.

вика-Филиппа; а потому оно, разыгрывая роль нации гостеприимной и благодарной, простирая объятия недавним сподвижникам великой империи, думало в то же время, как бы от них избавиться, как бы, попросту говоря, уложить на новых ратных полях эти буйные головы. Вождам бывшей польской армии, более или менее выдававшимся из ряда, стали скоро предлагать места в Алжире, склоняя их в то же время формировать туда, если можно, особые польские легионы. Многие голодные усачи сейчас же подвязали свои боевые сабли и давай ими греметь снова во славу своих покровителей. Высшие протекторы Польши, наблюдавшие за эмиграцией из разных углов Парижа, не препятствовали таким воинским порывам братий. Служба под знаменами Франции все-таки могла к чему-нибудь пригодиться, имела несравненно более смысла, чем та служба, на которую звали соотчичей безумцы вроде Заливского⁵. Но дабы не дать хозяевам чересчур бесцеремонно распоряжаться своими гостями и вообще имея в виду систематическое управление всеми делами эмиграции, люди, считавшие себя в то время во главе ее, люди, наиболее влиявшие на дела отечества в революцию, основали *комитет*, названный *Польским* (Komitet Polski), куда членами вошли почти все члены бывшего революционного правительства Польши 1831 года, а председателем назначен бывший представитель Калишан на последних сеймах Бонавентура Немоевский⁶.

Но едва комитет успел дать знать о себе эмиграции и краю, как поднялся страшный шум, какой подымается между поляками в тех случаях, если что-нибудь выступит вперед для приведения хаоса в порядок. Сейчас откуда-то взялись партии и кружки, которые стали заявлять также и свои права на управление делами эмиграции. Все они выражали опасение, чтоб люди, оказавшиеся в революцию весьма несостоятельными, точнее, погубившие край и армию, действовавшие почти как изменники, не повернули бы и теперь всего вверх дном; тем более что теперь мудрости нужно вдвое-втрое, ибо тогда была у них в руках кое-какая сила, были деньги, а теперь ничего нет: теперь они бездомные скитальцы, которым нужно думать прежде всего о куске хлеба, которыми, поэтому, помыкает всякий, навязывающий себя в покровители гонимой нации. Конечно, отчаянный народ, беспокойные, недальновидные бобыли, кому нечего терять ни дома, ни на чужбине, авантюристы и крикуны вроде Заливского, зовущие соотчичей не медля воевать снова с Россией, Пруссией и Австрией, на том основании, что революционные элементы в стране будто бы еще не уснули и их много, – конечно, эти крикуны не знают сами, что делают; но нельзя же равномерно допустить и того, чтобы поляки воевали без толку за французов в Алжире, служили какому-нибудь Дону Педро Португальскому, или герцогу Бургундскому, или в Бельгии. Нельзя допустить, чтоб эмиграция стерлась таким образом с лица земли, не померив еще раз плеча с врагами. Нельзя не думать, что у бездомных скитальцев есть где-то Польша, простирающая к ним руки, полагающая на них такие же надежды, как и на тех, кто остался, по счастью или несчастью, дома.

Среди таких криков и заявлений быстро построилась против нового аристократического комитета сильная батарея противоположных демократических элементов под крылом прежде бывших в Париже Французско-польского и Американско-польского комитетов⁷. В декабре 1831 года (именно 8 декабря н. с.) образовался правильный комитет посредством обыкновен-

⁵ С революционной точки зрения все революционное должно было *прежде всего* служить Франции, потому что все революции выходили радиусами из Франции, *лучились* оттуда. Эту мысль высказал впоследствии также и Ледрю-Ролен Герцену, стараясь приобрести его. (Посмертные сочин. Герцена. Женева, 1870. С. 82.)

⁶ Человек этот постоянно пользовался большим уважением у поляков.

⁷ Оба основаны в 1831 году. Первый – в январе месяце. Членами его были: Ламарк, Жюльен-де-Пари, Моген, Одиллон-Барро, Буледела-Мёрт, Арман Каррель, Виктор Гюго, Гарнье Пажес, Беранже, Густав Монтебелло, Кремье, Леонард Ходзько, Казимир Делавинь, Донон, генерал Декан (Decaen), Дюпон-де-Лёр, Ластейри (Lasleynie), Ларрей, Траси, Зальтнер и др. Председателем был генерал Ла-Файет. Председателем Американско-польского комитета был какой-то Самуил Той (Howe). Члены неизвестны. Цель обоих комитетов была: помогать, чем случится, революции поляков в России. (Сведения из показаний эmissара эмиграции Артура Завиши в Варшавской следственной комиссии, в 1833 году, также из сочинения Карла Борковского, тоже эmissара: Wyprawa Partyzancka w r. 1833, t. VII, Bibl. Pisar. Polskich, S. 5–6.)

ных выборов. Он получил название *Польского народного комитета* (Komitet Norodomy Polski). Членами его были: Валентин Зверковский, Леонард Ходзько, Роман Солтык, Фадей Кремповецкий, Антон Пршецишевский, Карл Крайтсир, Антон Глушкевич, Адам Гуровский и Валерьян Пешкович, как секретарь. Председателем историк Иоахим Лелевель.

Вообразив себя сейчас же главой эмиграции (что представлялось иногда и более мелким комитетам и обществам), Комитет Лелевеля, а как его зачастую называли, иначе Декабрьский (Grudniowy) приступил к действиям. Он стал пропагандировать в смысле своих принципов, указывая полякам на далекое, несчастное отечество, которого последнее слово еще не произнесено: напротив, при благоразумном направлении всех сил революция может и должна повториться, даже не один раз; предстоят новые, большие искушения и жертвы, следовательно, надо к этому готовиться всем до единого, кто считает себя поляком, только об этом думать и помнить, забыв все прочее и всемерно уклоняясь от путей, которые могут завести в другую сторону, не слушая никаких сирен, не поддаваясь никаким соблазнам.

Первым печатным воззванием Комитета Лелевеля было (в конце декабря 1831) воззвание *К польскими воинам*⁸. Потом, через несколько дней, явилось *Воззвание к венгерцам* на двух языках, по-латыни и по-венгерски, где припоминалась старая дружба мадьяр с поляками и было даваемо почувствовать, что в случае перемены «обстоятельств в Европе» Карпатские горы, вероятно, не будут препятствием подать друг другу руку.

В течение этого времени эмигранты, жившие по разным городам Германии, Италии, Галиции, стали сбиваться более и более к одному месту, под крыло Франции. В особенности много набралось их в Париже. К исходу декабря 1831 года прибыл туда и Заливский и встречен друзьями восторженно. 9 января н. ст. 1832 года Комитет Лелевеля дал ему обед, в заключение которого Лелевель и Годфрид Кавеньяк⁹ вручили герою 29 ноября какую-то саблю времен Наполеона I.

Так как Заливский выступает теперь вперед, то необходимо сказать, что это был за человек.

Это был тип поляка самых необузданных свойств, для кого не существовало нигде и ни в чем препятствий. Характер юркий и беспокойный, не могший ужиться ни с каким на свете кружком. Он везде был как бы не на своем месте, везде хотел командовать, строил планы, ссорился, мешал. Впустить его куда-нибудь и дать волю — это значило все разрушить. Оттого в революцию 1830–1831 народное правительство не нашло возможности употребить в дело его способностей, хотя он поминутно навязывался с разными предложениями. Он годился для взрыва в первые минуты, но потом его надо было куда-нибудь убрать. Он был нечто вроде Бакунина, о котором Коссидьер выразился: «В первый день революции ему цены нет, а во второй его надо расстрелять»¹⁰.

В других нациях господа Заливские подчиняются требованиям, так сказать, общей логики, рано или поздно уступают напору окружающих обстоятельств, устают, смиряются; в них, хоть под старость, является убеждение, что так, как они думали, перестраивать мир нельзя. В Польше Заливские не излечиваются ничем и для удовлетворения своих фантазий идут, что называется, напролом, никого не слушая и считая себя вечно живыми. Все благоразумное и умеренное, что оказывает им сопротивление, они провозглашают сейчас изменой отечеству, истинному долгу гражданина. В их энергии есть что-то болезненное, дикое. Они больше полезны врагам своего отечества, нежели отечеству. Они останавливаются только тогда, когда встречают на пути охлаждающую стену каземата либо пулю. Таков и бывает обыкновенно их конец. Само собой разумеется, что Заливский сделался членом Комитета Леле-

⁸ Приложение 1.

⁹ Брат Евгения, который играл известную роль в событиях 1848 года.

¹⁰ Посмертные сочинения Герцена. Женева, 1870. С. 182.

веля; но как некогда появлением своим в кружке Подхорунжих он произвел раздор и чуть не разрушил всех планов, так и тут очень скоро увидели невыгоду его присутствия.

Подобно всем польским обществам, Комитет Лелевеля содержал в себе разнородные элементы, всякую минуту готовые произвести на свет несколько партий. Главнейшим образом выступало вперед и было опасно то *красное* кружка, что подрывает кредит всех польских революций и заговоров: эти вечные, неугомонные политики сердца, как назвал их красный повстанец 1863 года, Авейде; эти ничем и никогда неизлечимые ребята. Их нетерпению казалось все возможным. Лелевеля они находили трусом, человеком вялым и фальшивым, который явил себя таким в первые дни минувшей революции, будучи членом правительства, решительно не знавшего, что оно делает. Мог ли такой человек быть председателем комитета, имеющего претензию управлять делами края и эмиграции? Куда он поведет поляков? Кто его выбрал? Так спрашивали многие.

Когда прибыл Заливский, голоса недовольных комитетом стали раздаваться час от часу громче. Заливский, постоянно критиковавший действия различных вождей в революцию 1830 года, постоянно твердивший, что «его не слушали, не слушали тогда, не слушали и потом, при переходе войск через границу, когда спасение было еще возможно... впрочем, оно и теперь возможно, если взяться за дело энергически», — Заливский только подливал, что называется, масла в огонь.

Скоро кучка недовольных комитетом за его якобы нерешительность и бездействие, за его «аристократизм», как выражались иначе, за его «чисто-белые свойства», отделилась и основала (17 марта н. ст. 1832 года) свой особый демократический кружок, назвавшись *Демократическим обществом*. Говорили, будто бы один из первых закладчиков этого здания был Адам Гуровский¹¹.

Ради оригинальности или по другим каким причинам отделившиеся не составили никакого *комитета* для управления делами, но учредили две начальствующие *секции*, в Париже и Пуатье, каждая из 8–9 человек¹².

В своих первых заявлениях и статьях секции старались главным образом внушить соотечественникам, что «новое общество командовать никем не замышляет, что оно намерено только указывать лучшие и кратчайшие пути к достижению известных целей; а *что до власти*, если б таковая потребовалась при удачном повороте их дел, — край, без сомнения, сумеет ее создать дома, из своих собственных элементов, имея на то больше прав, нежели эмиграция: ибо странно и несправедливо было бы навязать власть со стороны людям, которые шли в первый огонь и жертвовали всем, не говоря уже о том, что они постоянно находились в более стесненных условиях, чем эмиграция, постоянно несут на себе бремя военной диктатуры. Власть думают навязать краю только *аристократы* эмиграции, генералы. Общество же, основавшееся в марте 1832 года, состоит из одних демократов, плебеев по происхождению и по убеждениям»¹³.

Заливский — может быть, главная причина появления этого кружка, та капля, которая заставила квашню бродить — сам, однако же, остался с Комитетом Лелевеля, вероятно, на том основании, что отделившиеся были вначале чрезвычайно ничтожны. Даже и самое отделение их не было так резко, как иные воображают. При всех сколько-нибудь торжественных случаях, в памятные полякам исторические дни, а иногда и просто, без всякого повода, с целью погу-

¹¹ Pamiętniki Rufina Piotrowskiego, Poznań, 1860, t. I, S. 6. Адам Гуровский написал потом несколько сочувственных России сочинений, из коих наиболее известны: «La Russie et la Pologne», «La Civilisation et la Russie». Он кончил тем, что явился с повинной к Паскевичу, был прощен, награжден чином губернского секретаря, и ему позволено жить в городе Полоцке. Гуровский этим обиделся и убежал в Америку, где и умер. Братья его основались в Польше. Какой-то из них женился на испанской инфанте; а Николай Гуровский доныне живет в Царстве Польском, славя консерватором.

¹² Сведения из показаний Мирославского в Познанской следственной тюрьме, 9 октября н. ст. 1848 года.

¹³ Разные польские сочинения того времени.

лять, покутить и выпить лишнюю рюмку за здоровье братьев, за что случится, – интеллигенция всевозможных кружков весьма дружески сходилась в Париже и других городах, и тут было очень трудно разобрать оттенки партий. Бывало и так, что несогласные с каким-нибудь кружком, готовые по-видимому, удалиться, после доброй общей пирушки забывали об этом и оставались там, где были.

Можно было думать по слабости сил нового демократического кружка, что он тоже воротился к прежним товарищам. Оставшиеся делали даже для этого все, что от них зависело, в видах уничтожить раскол, пока он еще не велик.

Комитет Лелевеля, чтобы показать эмиграции, а более всего нетерпеливой, красной ее половине, свою деятельность и отвагу, выпустил еще несколько воззваний, более

или менее зажигательного свойства. Именно: *к немцам, к лотарингцам, к Альзасу, к итальянцам* и, наконец, самое опасное, самое неосторожное, воззвание *к русскому народу*, на трех языках: по-русски, по-польски и по-французски¹⁴. Немного позже выпущено не менее опасное воззвание *к евреям Царства Польского*, по-немецки и по-французски, пера самого Лелевеля.

Этим, может быть, прямо рассчитывали воротить бежавших; но вышло совсем другое.

Французское правительство, смотревшее вначале на образование всяких эмигрантских кружков и на бурные сходки поляков сквозь пальцы, так как из этих кружков и сходов ничего важного и опасного не выходило, увидев теперь ряд возмутительных, революционных посланий и получив ноту от русского правительства по поводу воззвания Польского народного комитета *к русскому народу* и *к евреям Царства Польского*, мгновенно изменило свой характер. Эмигрантам, подписавшим воззвание *к русскому народу*, именно: Иоахиму Лелевелю, Валентину Зверковскому, Леонарду Ходзьке, Антону Пршецишевскому, Антону Глушневичу, Эразму Рыкачевскому, Иосифу Заливскому, Михаилу Губе, Валерьяну Петкевичу и Карлу-Эдуарду Водзинскому, было предписано не медля оставить Париж. Некоторые выехали, а другие, имея кое-какие связи в высших правительственных сферах, оставались под разными предлогами до начала 1833 года. К таким, между прочим, принадлежали Ходзько и Лелевель. Они рассчитывали, что с течением времени дела их поправятся и правительство прекратит свои преследования. Не тут-то было. Полиция постоянно напоминала обоим друзьям, чтоб они выезжали

из Парижа. Держаться долее было невозможно. Лелевель выехал в поместье Ла-Файета Лагранж, а Ходзько в Тур, куда потом прибыл и Лелевель; но их снова разлучили: Лелевель пошел, в синей блузе и конфедератке пешком куда глаза глядят и спустя некоторое время очутился в Брюсселе, где и жил до последнего польского восстания¹⁵; Ходзько переехал в Безансон, потом скитался из города в город, а в заключение устроил как-то, что ему позволили опять возвратиться в Париж, где он жил до самой смерти, собирая материалы по истории своего отечества и издав сборник документов, пользующийся известностью¹⁶. Такое упорное преследование французским правительством лиц, уважаемых эмиграцией, раздражило все партии, в особенности ту, которая считала Лелевеля своим главой. Она покраснела и выделила из

¹⁴ См. Приложение 2. Кажется, поводом к этому воззванию была амнистия государя Николая Павловича, разрешавшая эмигрантам возвращение на родину. Один из русских профессоров был в 40-х годах у Лелевеля в Брюсселе и в разговоре с ним намекнул ему, что им бы, полякам эмиграции, подумать о сближении с правительством, об амнистии... Лелевель вскочил как ужаленный и громким голосом, откуда что взялось, произнес: «Qu'est-ce que vous dites? Amnistie. C'est l'insulte!»

¹⁵ Около 1860 года эмиграция склонила Лелевеля переехать из Брюсселя в Париж, якобы для совокупных с разными партиями действий перед приближающимся восстанием. Иные в этом приглашении усматривают происки какой-то партии, желавшей захватить в свои руки некоторые бумаги Лелевеля после его смерти, которой ждали с часу на час.

¹⁶ «Recueil des traités, conventions et archives diplomatiques concernant la Pologne 1762–1862, par le comte d'Angeberg». В № 85 «Московских Ведомостей» 1872 рассказывается, что при Наполеоне I какой-то Лезюр выпустил сочинение *о развитии русского могущества с возникновения его до начала XIX века* и первый вывел на свет известное завещание Петра Великого – явно подложный документ, явившийся потом в разных французских сочинениях, между прочим у Henri Martin. Леонард Ходзько тоже прикладывал здесь свои руки.

себя разом значительный контингент в Демократическое общество. В это время нелепый план Заливского «идти в Русскую Польшу и возобновить там революцию», план, родившийся еще на Подгурже, в доме Ворцеля, и после забытый всеми, подобно странному сновидению выплыл снова наружу, получил некоторое значение, стал казаться возможным, осуществимым. Сам Заливский, наводивший на умеренных своей вечной революционной болтовней непомерную скуку, озарился вдруг в глазах всех особым светом, точно вырос, точно открыл какой великий секрет: столько прихлынуло ко всем сердцам негодования, столько все кипели против всяких угнетателей. Конечно, более всего извергалось брани и громов на Россию, наславшую эти тревоги.

Поляк необыкновенно скор, *zapredki*. Он загорается, как порох, и тут делай из него, что хочешь. Прежде чем действительно солидная часть эмиграции успела сообразить грозящую всем им опасность, собрать сведения о безумных приготовлениях к какому-то невероятному и неслыханному в летописях походу, – как уже курьеры Заливского, выросшие из земли в огромном количестве, скакали во все концы по так называемым закладам эмиграции, существовавшим в разных городах юго-западной Европы с начала 1832 года¹⁷. Этим курьерам было поручено набирать охотников, офицеров и солдат для образования отрядов, имеющих вскоре выступить в Русскую Польшу с известными высшему начальству целями.

Курьеров встречали в закладах различно, смотря по тому, каков был заклад: где с полным сочувствием, где не слишком, а где и вовсе неприязненно. В одном закладе, именно Авиньонском, курьер Карл Шлегель (партии Подхорунжих 1830 года) поссорился с председателем Совета Каспером Дзевицким, был вызван им на дуэль и убит.

Однако же в общем результате предложение Заливского «возобновить революционные действия в Русской Польше», произвело, вследствие известного настроения умов, шум и толки скорее в одобрительном духе, и заклады решили отправить депутатов на съезд в Лион, назначая для этого 4 января н. ст. 1833 года.

Съезд этот состоялся, и – кто поверит – план Заливского одобрен на нем большинством голосов! Часть депутатов исполнилась такого восторга и нетерпения биться снова на родимых полях, что иные тут же предложили Заливскому распорядиться ими по благоусмотрению. Заливский сначала долго осматривал вербуемых в новую, революционную организацию; но потом, за недостатком людей на все открывшиеся вакансии, оставил церемонии и брал всякого, кто только шел, лишь бы он, прочтя или выслушав инструкцию, подписал ее и присягнул.

План Заливского состоял в том, чтобы, обеспечась на сколько можно скорее материальными средствами и сделав необходимые приготовления во всех трех захватах, вторгнуться в Русскую Польшу мелкими партизанскими отрядами, которыми занять войска правительства. Тем временем будет формироваться армия, которая выступит на сцену, когда заговор в Польше (1772) и в других местах Европы достигнет надлежащего развития.

Все Царство Польское, а отчасти Литва и Русь, делились, согласно требованиям новой организации, на несколько округов, в два уезда каждый. Всякому округу давался свой особый начальник, имевший под командой известное число партизан. *Инструкция* для этих партизан, пера самого Заливского, была такова:

1. Обязанности партизана суть: посвящение себя на всевозможные труды и опасности, с целью освободить свое отечество и снискать людям равенство прав, не обращая внимания на вероисповедание; уничтожить всякие предрассудки и взаимную ненависть между сослови-

¹⁷ Сколько нам известно, *заклады* (Zaklad) эмиграции были в следующих городах: Бурже, Безансоне, Лионе, Люневилле, Авиньоне, Страсбурге, Шатору, Штутгарде, Фрибурге, Мангейме, Гейдельберге, Тюбингене, Карлсруэ, Ульме, Вюрцбурге, Нюрнберге, Альтенбурге, Дрездене, Львове, Кракове, Тарнове и Познани. Правительственная власть каждого заклада была в руках *Совета* (Rada). Характер закладов был различный: где аристократический, где демократический. Заливский в своих львовских показаниях упоминает о каких-то *Польских комитетах* по городам, насчитывая их в одной Франции до 30. Не одно ли это и то же с *закладами*?

ями. Стало быть: биться с оружием в руках против тиранов и их клеветов, угнетающих род людской; употреблять все способы к их уничтожению.

2. Партизан должен укрываться по лесам и горным ущельям, в местах недоступных; переходить в своем округе постоянно с одного пункта на другой и делать оттуда набеги, в особенности по ночам, на неприятельские форпосты; истреблять магазины, амуницию; захватывать военные и

другие казенные кассы; бить чиновников, назначенных тираном; словом, уничтожать и забирать все, что составляет собственность наезднического правительства и служит ему поддержкой.

3. Партизан должен, в самом строгом значении этого слова, уважать спокойствие мирных жителей и всеми мерами охранять их собственность, если б слуги или солдаты тирана захотели на нее посягнуть.

4. Каждый окружный начальник (*dowtdca*), утвержденный главным вождем партизан, может выбрать какой угодно округ для своих действий, из двух уездов состоящий; сверх того, имеет право сам назначать себе помощника (*zastepce*) и набрать столько подчиненных партизан, сколько заблагорассудится.

5. Каждый начальник войск по округу обязан беспрекословно повиноваться главному вождю и выполнять его приказания со всей точностью; так равно и каждый партизан – своему окружному начальнику, как скоро исполнил добровольную присягу.

6. Каждый начальник округа имеет право карать своих подчиненных смертью за измену, за неисполненное приказание и за посягательство на чужую собственность; равно и каждого человека в своем округе, кто бы стал ему противиться или изменять тайне.

7. Каждый начальник округа, приказывающий грабить мирных жителей или делающий вообще что-либо возмутительное, должен быть сменен (*zgladzony*) подчиненными, а на его место назначен помощник, не то кто-либо другой из партии, кого они найдут более достойным, мужественным и честным.

8. Каждый начальник округа обязан сноситься с начальником воеводства или губернии и состоять в его распоряжении; а этот последний сносится непосредственно с главным вождем.

9. В случае невозможности держаться в своем округе, по причине напора неприятельских сил, окружный начальник со своими партизанами может перейти на неопределенное время в какой-либо соседний округ и действовать с тамошним начальником заодно.

10. Каждый окружный начальник, освободив свой округ или хоть часть оного от власти неприятельской, учреждает там немедленно гражданскую власть из местных обывателей, пользующихся всеобщей доверенностью, и сам за ней наблюдает.

11. Каждый окружный начальник, имеющий под своей командой более 50 человек, отправляет излишек в заклад кадров, формирующих народную армию.

12. Высшая власть над партизанами называется *Месть народа* (*Zemsta Ludu*), и ей должны слепо повиноваться все партизаны до тех пор, пока весь народ не восстановит своей независимости. Лицо, снабженное этой властью, известно только начальникам округов и их помощникам.

13. Каждый партизан, по прочтении вышеприведенных статей, выполняет следующую присягу перед окружным начальником:

«Клянусь Всемогущим Богом, что, желая восстановления моего отечества и равноправности каждому человеку, посвящаю себя добровольно на всевозможные труды, опасности и самую смерть и до последней капли крови буду биться против тиранов и против тех, кто им служит; причем, исполняя постановление партизан, буду повиноваться своим начальникам. Господи, помоги мне в этом здесь и на том свете...»¹⁸

¹⁸ Подлинник можно видеть в сочинении Борковского (*Wyprawa Partyzancka do Polski w r. 1833*. Т. VII Biblioteki Pisarzy

Когда было замечено вербовавшими такой народ в экспедицию Заливского, что они колеблются, находят много препятствий, то их всячески старались успокоить, пускали им пыль в глаза напоминанием о том, что Польша будет действовать не одна, а в связи с общеевропейской революцией, имеющей в виду перестроить целый мир. Заливский говорил даже, что ему известно достоверно о существовании заговора между военными в самой России, а потому пробиться партизанам в лесах придется какой-нибудь месяц, много полтора, а там все вспыхнет, и они сольются с огромной польской армией всех трех захватов, с армией, какой, касательно размеров, едва ли еще где видано.

Собственно говоря, эти люди обрекались до известной степени на жертву. Расчет главных руководителей движения заключался в том, что всякий, поставленный в условия партизана, отрезанный от своих, без верной надежды воротиться, должен поневоле быть энергичен, выдумать такие действия и хитрости, каких в спокойном и безопасном месте и в голову не придет: им будут руководить не один патриотизм и желание отмстить врагу, но и свойственное всякому человеку чувство самосохранения.

Это было высказано впоследствии печатно разными революционными органами поляков.

В течение января месяца 1833 года были приняты и утверждены Заливским следующие начальники округов, носившие в то же время название *эмиссаров*¹⁹:

1. Артур Чарный-Завиша в округ Варшавско-Сохачевский, с самой Варшавой;
2. Каликст Боржевский в округ Плоцко-Липновский;
3. Леон Залесский в округ Равско-Ленчицкий;
4. Эдуард Шпек в округ, состоящий из уезда Станисла-вовского и Праги;
5. Леопольд Бялковский в один из округов Калишского воеводства, соседом к Завише;
6. Антон Винницкий в округ Гостынино-Куявский;
7. Каспер Дзевицкий в округ Радомско-Опочинский;
8. Эдуард Дуньский в округ Млавский;
9. Адам Сперчинский в округ Пржаснышский;
10. Фаустин Сулемирский в округ Конинский;
11. Леопольд Потоцкий в округ Серадзкий;
12. Рох Рупневский в округ Пултуско-Остроленский;
13. Ушинский в воеводство Подляское;
14. Степан Гецольд в уезд Волковыский (Гродненской губернии);
15. Карл Борковский в округ Острожско-Кременецкий (Волынской губернии);
16. Фаддей Серпутовский в округ Бельско-Радзынский;
17. Осип Гордынский в округ Сокольско-Белостокский;
18. Джонс Ринк (Jons Rynk) – в округ Любельско-Красноставский²⁰.

Большинство этих лиц были военные, служившие когда-то в польских войсках разными чинами, от унтер-офицера до поручика, – кто человек довольно образованный и начитанный, кто простой, грубый солдат. Унтер-офицер Шпек, как увидим, не сладил со своей командой и соединился сперва с Гецольдом (экспедитором бывшего Виленского университета), потом оба поступили обыкновенными рядовыми в банду Завиши. Но все, прочитанное в уставе партизанском, удержалось в каждой голове твердо. Присягу многие знали наизусть, почти слово в слово. Общий смысл задачи, *что именно делать*, был ясен всем. Только параграф о том, что главный начальник называется *Месть народа*, не всеми был понят одинаково. Многие, вроде Шпека, думали, что это *главный комитет*, и таким образом впоследствии показали.

Polskich. S. 7–9).

¹⁹ Если не все, то некоторые из окружных, несомненно, пользовались этим титулом.

²⁰ Сведения из показаний Антона Винницкого и некоторые печатные источники. Неполноты в иных округах, то есть как бы недостатку уезда, мы поправить не в состоянии. Так показывали иногда и сами окружные начальники. Не было ли на практике для иных изменено общее правило и не давали ли им действительно в заведование только один уезд?

Округи выбирались каждым лицом такие, где ему удобнее было распоряжаться, где находились у него друзья, знакомые, родственники или даже имение. Кто не знал таких мест и кому было все равно, где ни действовать, тем Заливский назначал округи сам. Но все это было только расписано так на бумаге: на деле ни один из партизан не попал на указанное место.

По причине действительно существовавшей связи *Партизанского наезда* (или, как поляки попросту выражались и выражаются до сих пор: «*Partyzantki Zaliwskiego*») с затеями карбонаров окружные начальники, отправлявшиеся в край, были приглашены выполнить сверх своей какую-то особенную *карбонарскую присягу*, которой текст нам неизвестен. После того им были сообщены знаки, каким образом отличать *своих* за границей и дома. Эти знаки Наезд принял тоже от карбонаров. По свидетельству одного из окружных, Осипа Гордынского, они заключались в следующем:

1) При встрече снимать шляпу немного направо и надевать прямо, если встреченный *свой человек*, то он сейчас это заметит; 2) Подавая кому-либо правую руку, коснуться каким-либо пальцем его ладони; 3) Если встреченный проговорит после этого *amitie*, отвечать *fraternite*, и затем обоим враз сказать *bienfaisance*; 4) Квартира *своего* узнается по вделанному где-нибудь на доме или на близстоящем дереве, не то на другом каком-либо предмете, небольшому треугольнику²¹.

Когда все сказанные церемонии были соблюдены, некто Гурецкий²², начальник Лионского заклада, где был сборный пункт команды Заливского и устроен какой-то *Лионский базар* (как бы склад материалов для Наезда), раздал отправлявшимся рекомендательные письма, кинжалы карбонарской формы, по 150 франков на брата, а Борковский снабдил каждого известным количеством яда²³.

Затем местный французский префект выдал им паспорта с ложными именами и званиями, и эmissары двинулись, большей частью пешком, на Швейцарию и Германию²⁴. В Цюрихе, новом сборном пункте, уже произошли между ними некоторые столкновения. Иные высказывали неудовольствие против главного вождя и сомневались в успехе предприятия. Были наконец и такие, кто, обсудив с приятелями все дело похладнокровнее, не пошли дальше.

В Германии было замечено странниками, что тайна их открыта: их строго осматривали на заставах городов и малейшее подозрительных ворочали назад во Францию. Чем далее, тем становилось труднее идти. В Галиции уже нужно было просто-напросто прятаться, входить в города украдкой, ночью. Карл Ворковский с Михаилом Ходзькой были остановлены во Львове на заставе стражей, которая, оглядев их внимательно, спросила: «Уж и вы не такие ли, о каких слух идет, что отправляются в Польшу делать революцию?» Однако они отделались кое-как, не быв задержаны, и пробрались внутрь города, а потом и дальше, где с кем-нибудь в крытой бричке, где ночью по лесам, пешком.

В Царство Польское, до образования партизанских отрядов, решились проникнуть немногие. Там правил страшный военный диктатор Паскевич²⁵, которого трепетали на огром-

²¹ Гордынский прибавил к этому, что собрания карбонаров, состоящие из 11 человек, называются вентами. Лица, участвующие в них, обязаны знать два пароля: один полугодичный; другой, требуемый при входе, меняется всякий раз. Иногда, по разным соображениям, меняется и полугодичный пароль.

²² Goreski. Временно должность его правил Левандовский.

²³ Показания разных окружных, лично бывших тогда в Лионе.

²⁴ Так о паспортах показывают многие из эmissаров. Борковский в указанном сочинении «*Wyprawa Partyz*» говорит, что паспорта выданы были обыкновенные, с настоящими именами и званиями.

²⁵ Паскевич вступил в службу в 1800 году из камер-пажей, флигель-адъютантом к императору Павлу, гвардии-поручиком, октября 5-го, имея 17 лет. Штабс-капитаном.....1806 Капитаном.....1808 Полковником.....1809 За отличие в генер. — майоры.....1810 Генерал-лейтенантом.....1813 Генерал от инфантерии.....1826 Генерал-фельдмаршалом

ном пространстве и свои, и чужие. Это был человек, избалованный счастьем и неслышанным раболепством окружающих, раболепством, какое может быть только на Востоке да в славянских землях, и то, пожалуй, не во всех до единой. Весьма немногим отличался он от какого-нибудь восточного шаха. Но это был шах очень умный, знавший хорошо, кого можно пожурить без всякой церемонии, на кого бросить только строгий взгляд, кого оставить без всякого замечания или даже «погладить по головке», отчего иной славянин готов расплакаться. Из его канцелярии не выходило ни одной бестолковой бумаги. Личные его заметки на полях, не щеголяя особенно изящным языком и грамматикой, были все-таки полны смысла, и всегда без всякого грома и молнии. К грому и молнии в бумагах прибегал он редко. Управление края, изобретенное им, в большей части мер соответствовало минуте и положению дел, а равно и взглядам Петербурга. Шутить было нельзя, но нельзя было также и ломать сплеча все польское, заменяя его русским: с этой стороны шах встретил бы сильную оппозицию в высших сферах²⁶, а он их разумел так тонко, так тонко, как никто. Он знал, до каких пределов простирается защита венценосного покровителя, уравнившего его в некоторых почестях с самим собою, называвшего «отцом-командиром». Правда, в иные области управления прокрадывались кое-какие несостоятельные свойства *всей машины* вообще. Полиция также гонялась за «Вестермейрами» и не видела «Высоцких»; но все это восполнялось и исправлялось необыкновенной личностью главного лица. Его глаз заглядывал всюду и если видел что – наступала быстрая, энергическая расправа; против яда принимался вернейший антидотум. Оттого всюду оглядывались поминутно, что бы кто ни делал и что бы кто ни говорил, было ли это в бедной хате земледельца, на пограничном ли кордоне казака, в богатых ли палатах русского или польского магната. Везде оглядывались. Все были уверены, что полицмейстер, пожалуй, не усмотрит и жандарм не подслушает, а как, сохрани Господи, «Сам»?.. Тень Банко, которого все собирались убить и никак не убивали, вставала пред всеми, на всяких резких, неумеренных пирушках, там, где-нибудь в углу, при всякой неосторожной болтовне. Сейчас выглядывало откуда-то это страшное, широкое, боевое чело, в полуседых кудрях, и устремлялись серые глаза, леденившие мгновенно всякую смелую душу²⁷.

Ничего этого не знали и не соображали пешие сочинители *Наезда*. Польша представлялась им в виде кипящего котла, где с утра до ночи готовят повстанские похлебки: приходи только и ешь.

Разочарование наступило поздно, когда Заливский и несколько других прибыли командовать партизанскими отрядами, направлять действие различных окружных начальников.

Заливский имел письма к графу Викентию Тышкевичу, владельцу обширного села Кульбушева Тарновского округа Краковского воеводства²⁸. Граф Тышкевич принял его радушно,

м.....1829Главнокомандующим действующей армией в июне.....
1831Наместником марта 23-го.....1832Паскевич происходил из небогатых дворян Могилевской губернии и поступил в Шкловский кадетский корпус (бывший Зорича, фаворита Екатерины, которому Шклов был подарен); при посещении Шкловского корпуса государем Павлом Петровичем, Паскевич обратил его внимание красивой наружностью и был переведен в Пажеский корпус, где понравился государыне Марии Федоровне и сделан камер-пажом. В 1800 году из камер-пажей произведен в офицеры с назначением флигель-адъютантом к его величеству. (Сведения частью из бумаг одного генерала, частью из послужного списка фельдмаршала.)

²⁶ После были толки, что Паскевич *ополячил Польшу*, ничего не сделал для русского дела, языка и т. п. Но эти господа, говорившие так, не берут в расчет условий времени. Если теперь трудно бороться с польскими элементами в Варшаве и Петербурге, что ж тогда?

²⁷ Один генерал сказывал автору, что он «Бога так не боялся, как Паскевича; что его всегда прошибал пот с головы до пяток, когда Паскевич на него взглядывал».

²⁸ Можно заметить, что перед отъездом в Польшу Заливский пробрался в Париж и виделся там с разными влиятельными лицами: Дверницким, Ледуховским, Уминским. Дверницкий сказал, что «помочь не считает удобным, но благословляет», – это были только слова. Дверницкий имел свою партию, основанную 22 октября н. ст. 1832, под названием *Komitet Emigracyi Polsciej* (назывался у поляков кратко Октябрьским, *Pazdziernikowy*), где членами были: Уминский, Юлиан Серавский, Иван Ледуховский, Александр Еловицкий, Амантий Жарчинский, Станислав Ворцелль, Андрей Плихта и Воллович. Эта партия хотела воротить эмиграции прошлое: помирить поляков с французским правительством и вместе расстроить экспедицию

поместил у себя в доме и сказал, что имеет небольшой запас оружия, сохраненного кое-как после 1831 года, в том числе 500 штук годных в дело ружей²⁹, может быть еще столько же наберется у других помещиков, сочувствующих Наезду, как, например, у Мышковского, владельца села Куржина; у братьев Богуслава и Онуфрия Городынских, у графа Франциска Веселовского, Константина Руссоцкого... Но ведь этого мало. От Русской Польши ждать большой помощи нечего. Найдется несколько сочувствующих в Плоцкой губернии, по границе, например, Матвей Мыстковский и кое-какая отчаянная молодежь, там же. На остальном же пространстве лежат страх и трепет. Особенно нечего рассчитывать на простой народ, на хлопов: все они тянут руку правительства. Вообще дела плохи.

Заливский и друг его, прибывший с ним одновременно, Генрих Дмуховский (под именем Сандерса) несколько приуныли. Сведений из Царства Польского почти никаких нельзя было достать: приготовлено ли там что-нибудь или нет. Даже нельзя было перекликнуться со всеми окружающими и узнать, все ли они на местах, в каком положении их отряды. Даже было явно заметно, что кто-то из своих мешает восстанию³⁰.

Несмотря на все это, надо было, конечно, идти вперед. Возврат был уже невозможен. Столько народу успело себя скомпрометировать перед разными правительствами, в разных углах Европы, столько преодолено тяжких препятствий, принесено жертв, что, если бы вожди попятились назад, произошло бы общее смятение, взрыв негодования, посыпались бы обвинения в трусости, в измене (на что поляки необыкновенно скоры: у них сейчас «zdroica! zdrada!»). Начальники округов могли бы предпринять еще более бестолковое восстание, просто с отчаяния, став, иные, может быть, в несравненно безвыходнейшее положение, чем Заливский в доме Тышкевича, в Кульбушеве.

Собравши в Галиции небольшую банду в 24 человека Дзевицкий, по-видимому, весьма хорошо рассчитал действие при переходе в Царство: он думал напасть ночью врасплох на казачий пост в местечке Поланце³¹, перебить казаков и захватить их оружие и лошадей. Но переправа через Вислу заняла столько времени, что когда Дзевицкий, к счастью людей, очутился на другом берегу, стало светать. Боясь быть открытым, он приказал остальной кучке переправляться как можно поспешнее и догонять товарищей, а сам, всего с четырьмя партизанами, двинулся к Поланцу бегом, измучил людей и себя, и атака была неудачна: казаки перехватывали повстанцев и отвезли в ближайший город, откуда они были отосланы в Варшаву³². Дзевицкий где-то на привале спросил стакан воды, быстро всыпал в него яду и отравился. Часть банды, подошедшая потом к Полавцу, узнав об участии товарищей, разбрелась по лесам. Кое-кто после пристал к другим партиям.

24 марта н. ст. пробралась в Царство партия Гецольда и Шпека, но вскоре, встретив разные препятствия, бросила вождей, и они должны были соединиться с партией Завиши, о которой будет сказано ниже.

2 апреля н. ст. перешла границу около деревни Уфиловец (?) партия Бялковского, в 10 человек, набранная в Галиции, в окрестностях местечка Збышева, приведена к присяге ксендзом с соблюдением всех обрядов, требуемых католической церковью, и пустилась бродить по

Заливского. Ни то ни другое ей не удалось.

²⁹ Сведения от партизан, видевших этот склад, и статья графа Франциска Веселовского: *Ustep z moich wspomnien*. Т. VII. Bibl. Pis. Polsk. S. 134.

³⁰ Это были агенты разных умеренных партий из Парижа, кажется, более всего партия Дверницкого, которым прямо приказано было разрушать все то, что построит Заливский.

³¹ Поланец на границе Стопницкого и Сандом. уездов Радомской губернии, при впадении реки Черной в Вислу.

³² Это были: канцелярист Подольской казенной палаты Евстафий Рачинский, 19 лет; рядовой бывших польских войск Василий Пршеорский; унтер-офицер корпуса Раморино Иосиф Кржиальский и унтер-офицер бывшего 4-го пехотного полка Антон Ольковский. По другим известиям, бан, да разделилась на две части (по переходе через Вислу, в деревне Будзиках Стопницкого обвода) и на казаков не пошла, а стала искать каких-то солдат в другой деревне, и тут казаки напали на ее след и перехватывали упомянутых повстанцев.

лесам, в разных направлениях, терпя нужду и голод до такой степени, что солдаты и их начальник зачастую ничего не ели по двое и по трое суток сряду. Первую пищу привез им ксендз Михаил Старжинский; потом прислала сыру и ветчины помещица Новаковская. Позже снова приехал ксендз³³.

Ни в какую деревню, тем более в местечко или в город, воины Бялковского и он сам не смели, что называется, и носу показывать. Им были постоянным убежищем глухие чащи, окруженные трясиными, да и те приходилось беспрестанно менять из опасения столкнуться с казачьими разъездами или быть захваченным крестьянской облавой, какие делали в иных местах войты гмин, по приказанию начальства, так как история Наезда уже разоблачилась³⁴.

22 апреля н. ст. перешла границу новая партия, в 13 человек, под командой офицера польских войск Лубинского, которая, встретясь с бандой Бялковского в лесу под Юзефовым³⁵, соединилась с ней, и вместе предприняли нападение на казачий пост в сказанном местечке. Для этого все силы, 23 человека, где были, между прочим, остатки банды Дзевицкого, разделились на четыре части, и каждой части дан особый начальник. Одной такой частью, в 5 человек, командовал молодой энтузиаст, Антон Карчевский, сын официалиста³⁶ из чьего-то богатого имения, служивший в революцию 1830–1831 годов в корпусе Ружицкого. Он явился первый на площади, махая саблей, – и тут же был захвачен казаками с тремя своими людьми³⁷ и доставлен в Варшаву. Остальная часть банды разбежалась.

Затем явилась из княжества Познанского партия бывших варшавских студентов: Сперчинского, Дуньского и служивших разными чинами в польских войсках: Хелмицкого, Сильвестра Раценского и Феликса Бугайского. Перейдя границу 27 апреля нов. ст. между деревнями Бобровниками и Мелишевкой (Плоцкой губернии), партия эта двинулась к Бенднову на соединение с показавшейся тогда же в этих местах бандой Сулемирского – и сошлась с ней 29 апреля н. ст. в лесу. После различных приключений и опасностей соединенные банды выслежены и атакованы войском

13 мая н. ст. под станцией Яновице, в лесу, когда хотели, было, перебраться назад, за границу, и тут часть людей захвачена и доставлена в Варшаву.

В Подольскую губернию пробрался какой-то Иосиф Дуцкий, участь которого нам неизвестна. На Литву, в Гродненскую губернию, проник тамошний помещик Михаил Воллович. Как имевший в этих местах множество знакомых и любимый своими крестьянами, он довольно долго укрывался в лесах и по хуторам, наконец взят посредством облавы из чужих мужиков³⁸.

Последней, сколько известно, перешла границу при селении Раздиках Плоцкой губернии в самом конце апреля н. ст. партия Завиши из шести человек, набранная в княжестве Познанском. Позже, в Царстве, при переправе ее через Вислу, пристали к ней оставленные своими людьми Гецольд, Шпек и еще несколько человек из других банд. Испытав те же самые неудачи, как и другие партии, Завиша был атакован в Кросненском лесу гусарами эрц-герцога Фердинанда полка и взят со всеми своими людьми в начале июня 1833 года³⁹.

Всех захваченных с оружием в руках постигла участь государственных преступников первого разряда.

³³ Показания захваченных людей этой банды.

³⁴ Тоже показания захваченных.

³⁵ Замойского обвода Люблинской губернии.

³⁶ Официалистами называются у поляков высшего разряда слуги, как например, управляющие, конторщики, камердинеры.

³⁷ Это были Давыдович, Якубовский и Пленкевич.

³⁸ В брошюре «Artur Zawisza i Michal Wollowicz», кажется пера Леона Зенковича (Pariz, 1859) рассказываются кое-какие подробности о скитаниях Волловича.

³⁹ Подробности его походов, начиная с Парижа до Варшавы, мы сочли более удобным рассмотреть отдельно. (Приложение 3).

Люди из банды Дзевицкого: Иосиф Куржиальский, Антон Ольковский и Василий Пршеорский расстреляны в Варшаве 25 апреля ст. ст. в 5 часов утра; а четвертый, Евстафий Рачинский, по молодости лет, избавлен от смертной казни, прогнан сквозь строй через 500 человек четыре раза, также в Варшаве, 28 апреля ст. ст. в 5 часов утра, и после сослан в каторжную работу.

Люди Лубинского и Вялковского – Карчевский и Давыдович – повешены в Люблине 10 мая ст. ст., а Якубовский и Пленкевич – 11 мая ст. ст., на том месте австрийской границы, где ее перешли, именно близ местечка Борова Яновского уезда Люблинской губернии, с надписью на виселице их имен и почему понесли такую казнь.

Пойманный тогда же шляхтич Иосиф Берини (унтер-офицер корпуса Раморино), в уважение того, что взят просто в деревне, без оружия, избавлен от смертной казни, прогнан сквозь строй через 500 человек четыре раза шпигрутенном и потом сослан в Сибирь в каторжную работу. Воллович повешен в Гродне, в мае или июне 1833 года⁴⁰.

Завиша повешен на лобном месте между Вольской и Иерусалимской заставами 15 ноября ст. ст. 1833 года в 9 часов утра. Тогда же расстреляны, в том же самом пункте, состоявшие под командой Завиши: унтер-офицер бывших польских войск Эдуард Шпек, помощник экспедитора в бывшем Виленском университете, титулярный советник Степан Гецольд и шляхтич Александр Пальмарт.

Вот какие подробности рассказывали об этой казни. Все преступники были приведены в цепях. Когда стали их снимать, Завиша, одетый в обыкновенный халат, дрожал. Вероятно для того чтобы не подумали, что он дрожал от страха, он сказал окружающим: «Холодно!» (Zimno). Потом спросил тоже по-польски: «Нет ли тут кого-нибудь, кому бы я мог передать мою последнюю волю?» (Czy niema tu kogokolwiek, któremu bym mógł odkrys moja ostatnią wolą?) Тогда из толпы офицеров отделился капитан Массон⁴¹, адъютант губернатора Витта, и подошел к Завише. «Скажите моей матушке, что я умираю достойным ее сыном!» (Proszę powiedzieć mojej matce że umieram godnie jej!) проговорил он, так что все близ стоявшие слышали. В это время раздалась три залпа: экзекуция с тремя товарищами Завиши кончилась. Он взглянул в ту сторону и сказал: «Отчего я не умираю военной смертью?» (Dla czego nie umieram wojskowa śmiercią?) Стали надевать на него смертную рубаху. Завиша сорвал ее и бросил. Кликнули ксендза и предложили ему успокоить осужденного. Ксендз подошел с крестом и только что произнес слова: «Провидение и справедливость Господня...» (Opatrzność i sprawiedliwość Boska), – Завиша прервал его и сказал: «Провидение и справедливость! Если б они существовали, этого бы не было!» (Opatrzność i sprawiedliwość! Gdyby one istniały, tego by nie było!) И затем пошел к эшафоту. Последними его словами были: «Когда бы у меня было сто жизней, все бы их я отдал отчизне!» (Kiedy bym miał sto żyć, wszystkie bym ofiarował mojej ojczyźnie!) Все время перед казнью он стоял прямо, подняв голову. Товарищи его были несравненно больше смущены, и ни один из них не произнес ни слова⁴².

17 ноября ст. ст. расстреляны в городе Липне (Плоцкой губернии) люди разных банд: шляхтич Павел Войткевич, служивший в польских войсках; рядовой тех же войск Григорий Зайонц и дезертир, рядовой Симбирского егерского полка, Игнатий Морозов.

18 ноября ст. ст. расстреляны в городе Калише унтер-офицеры бывших польских войск: Антон Винницкий и Иосиф Домбковский.

Сверх того, тогда же рядовой Брестского пехотного полка Максим Гавриленко, рядовой бывших польских войск Петр Левицкий, рядовой Луцкого гренадерского полка Григорий

⁴⁰ Взят 14 или 15 мая н. ст., если верить цитированной выше брошюре «Artur Zawisza».

⁴¹ Впоследствии начальник почт в Варшаве.

⁴² Сообщено одним генералом, находившимся при экзекуции. Все приведенные здесь слова Завиши он слышал своими ушами.

Загребельный и какой-то Ляховский прогнаны сквозь строй: первые два – через 500 человек по три раза, а последние два – через 500 человек по два раза, а затем сосланы в Сибирь в каторжную работу.

Тем временем Заливский с Дмуховским, не находя нужным подвергать себя опасности в Русской Польше и более или менее зная о бедственной участи вторгнувшихся банд, решились воротиться в Галицию и огласили *отсрочку* восстания. Собственно Заливский и все его друзья были убеждены, что *дело кончено*, игра проиграна безвозвратно; но старый герой, которого самолюбие было глубоко уязвлено, над кем все смеялись, кому не было спокойного угла, где бы скрыться, – искал себе какого-нибудь выхода, хоть бы в тюрьму или на эшафот, лишь бы спрятаться скорее от тьмы проникающих его насквозь глаз. Он твердил всем и каждому, что «роковые и непредвиденные обстоятельства расстроили предприятие, но что летом того же года оно непременно возобновится». В первых числах июня по н. ст. он даже выпустил в свет *Воззвание к Галицианам*, где рисуется весь как в зеркале, со всей его детской недалёковидностью и самым необузданным честолюбием. Все это подложено, однако, тем отчаянием, которое овладело тогда его душой. В самом конце он прямо говорит: «Смерть будет во всяком случае одна, с оружием ли в руках, в тюрьме ли, на эшафоте ли»⁴³.

Галициане, читая это воззвание, только улыбались. Затея Заливского никогда не имела одобрения во всей массе поляков. В особенности все умеренное вооружалось против него с самого начала, когда еще ничего бедственного не случилось. Но теперь, когда все, поднявшее оружие, было рассеяно или погибло; когда в Париже все разнообразные кружки соединились для того, чтобы отслужить панихиду по жертвам Наезда, расстрелянным в Царстве Польском⁴⁴: теперь на Заливского, призывавшего соотечичей к повторению Наезда, смотрели прямо как на помешанного, которого надо схватить и посадить в желтый дом. Так как, однако же, от его воззваний никто не ожидал никакого результата, то его оставили в покое и свои, и австрийское правительство, которое знало о месте его пребывания. Вдруг случилось происшествие, которое изменило ход дел: кучка отчаянных людей, окружавших Заливского, как и он, не думавших нисколько класть оружие, несмотря на горькие неудачи, на общее негодование и отсутствие всяких средств, будучи недовольна своим вождем, который, в раздражении на весь свет, принял чересчур диктаторский тон с подчиненными, и, кроме того, потеряв в него всякую веру, основала особый *Комитет польских карбонаров* (Komitet Węglarzy Polskich), с намерением действовать заодно с другими подобными обществами всех стран, имея в виду не только освобождение Русской Польши, но и двух других, а потом и целого света...⁴⁵

Это обстоятельство положило предел существованию всей этой партии. Карбонаров и Заливского арестовали, судили во Львове в течение нескольких месяцев, как государственных преступников первого разряда, после чего главные зачинщики, в числе 12 человек⁴⁶, посажены в швейцарскую крепость Куфштейн, более или менее на продолжительный срок⁴⁷, в цепях по рукам и по ногам, в 6,5 фунтов каждая. Двое не выдержали заключения и умерли (Забоклицкий и Ролинский), а другие потеряли навсегда здоровье. Заливский, выпущенный в 1848 году, с опухшими руками и ногами, глядел стариком и вскоре умер.

⁴³ См. Приложение 4.

⁴⁴ 7 июля н. ст. 1833 (I. VIII Biblioteki Pisarzy Polskich. S. 179). На этой панихиде были: Чарторынский, Ушинский и другие белые.

⁴⁵ Сочинение Борковского «Wyprawa Partyzancka».

⁴⁶ Иосиф Заливский, ксендз Викентий Забоклицкий, Леопольд Бялковский, Карл Борковский, Константин Слотвинский, Александр Комарницкий, Генрих Диоховский, Фердинанд Белинский, Адольф Ролинский и трое чехов, пограничных стражей: Фишер, Бергер, Штих. Первые четверо: Заливский, Забоклицкий, Бялковский и Борковский были осуждены первоначально на смерть через повешение (Wyprawa Partyzancka. S. 68).

⁴⁷ Забоклицкий, Бялковский и Борковский – на 15 лет, а Заливский – на 20 лет.

Несмотря на эти бесчисленные жертвы, на несчастье целых семейств, отсюда проистекавшие, работы красной партии все-таки продолжались. Те же самые цели преследовались с горячностью невероятной; один план сменял другой, новые эмиссары заступали место прежних, погибших, и пробивались сквозь всякие препятствия, можно сказать, с нечеловеческой энергией. Чем дольше заживалась эмиграция на чужой почве, тем более терялись в ней понятия о том, что делается дома. Родимый край представлялся скитальцам в самых неясных красках, где все казалось возможным. Страшная тоска по родине еще более усиливала иллюзию.

«Побуждаемые этой тоской и вместе революционной горячкой, эмиссары часто являлись в край без всякого плана, не имея ни полномочий, ни позволения Централизации, даже не давая себе отчета в том, что должно делать», – говорит их же брат, красный повстанец⁴⁸.

Большая часть эмиссаров были люди ничтожные, которых имена пропали для потомства и истории. Но были и такие, которым удалось наделать шума и память о которых сохранилась в Польше до сих пор.

Из таких более всего выдвигается после экспедиции Заливского капитан бывших польских войск Симон Конарский, человек замечательный по уму и твердости характера. Будучи той же школы, что и Заливский, также мечтавший перестроить мир посредством ряда революций и также не умевший никому подчиниться и вечно смотревший в начальники всего, в диктаторы, – Конарский искал себе деятельности, искал места, где бы отличиться, стать повиднее⁴⁹.

В то время как Заливский сочинял свой поход в Польшу, составилось в Италии особое революционное общество, под именем *Юной Европы*, потом *Юной Италии*, считавшее своим главой Иосифа Мадзини. Это общество затеяло экспедицию против Савойи, куда вовлечено множество поляков, и всеми войсками командовал тоже поляк, генерал 1830 года Раморино.

Конарский, не приискавший еще для себя соответственных занятий, бросился в эту экспедицию. Судьба его известна: Раморино отступил (в феврале 1834 года), войска его разбрелись. Общество, управлявшее всем этим движением, открыто. Члены его подвергнуты арестам, кто не успел бежать; а полякам, пребывавшим в Швейцарии, тамошнее правительство предложило выехать. 30 человек взяли паспорта немедленно; потом выехало еще 50. Остальные, ядро кружка, который назвался *Юной Польшей*, в соответствии *Юной Италии* Мадзини, решили отправиться в виде особых, новых эмиссаров в Русскую Польшу: посмотреть, не оставила ли по себе каких следов экспедиция Заливского, нельзя ли чего сделать, связать разорванные звенья, сплотить разбитые кружки и вести затем дело спасения далее.

В числе пустившихся странствовать по Польше с такими целями был и Конарский⁵⁰.

Побродив по Царству Польскому, Литве и Руси и встречая везде препятствия и равнодушные, весь этот народ вскоре собрался в Кракове, безопасном в то время приюте всяких повстанцев, где, что ни день, творились разные революционные общества, строились планы за планами, и один подкапывал другого. Никакой историк не опишет всех кружков, возникших в Кракове от той поры до наших дней; никто не выйдет из этого лабиринта.

Конарский послушал там всяких толков и криков, представлявших в общем совершенный хаос, ничего не мог понять, ничего вынести оттуда, тем не менее пристать к какой-либо партии – и бежал снова во Францию, в Париж, где польские революционные партии все-таки представляли некоторый порядок, партия отделялась от партии, существовала даже революционная литература. Не решившись, вследствие своего независимого характера и воззрений, подчиниться кому-либо, стать под чьи-либо знамена, Конарский, как чистый поляк,

⁴⁸ Записки Авейде, I, 163. Он говорит, что «эмиссарская болезнь продолжалась у них если не до Крымской кампании, то по крайней мере до 1848 года...» Централизация – особое учреждение Демократического общества. Ниже будет точное объяснение этого слова.

⁴⁹ Из наших официальных бумаг видно, что Конарский и Бернсдорф были арестованы прусской полицией в Прейсш-Эйлау, в 1833 году.

⁵⁰ Wizerunki polityczne dziejów Państwa Polskiego. T. XXIX Bibliot. Pisarz, Polskich, Lipsk, 1864. S. 154.

начал думать об основании *своего собственного* кружка и для этого принялся издавать газету «Север» (Północ⁵¹), другими словами, скликать себе воинство. Но труд этот был ему не по силам: газета, не имевшая ни сотрудников, ни подписчиков, сама собой остановилась. Сидеть, ничего не делая, когда другие все-таки копошились в своих муравейниках, Конарский по своей живой и беспокойной натуре не мог. Ему нужна была хоть какая-либо деятельность. Как это бывает в подобных случаях, когда человек ищет себе усиленно занятий, сочиняет их, если они не сочиняются сами, Конарскому, при разговорах с лицами, прибывающими из Польши, стало казаться, что там после его отъезда многое переменялось, что семена, посеянные им и прочими эmissарами, дали свой плод, вследствие чего можно кое-что сделать. Ко всему этому, ко всем фантазиям, которыми были тогда полны головы многих эмигрантов, присоединилась еще и любовь: Конарский оставил на Литве коханку. И вот, переговорив с несколькими кружками и получив благословение *Демократического общества* (которого прямым агентом никогда не был), Конарский снова помчался в Русскую Польшу: готовить ее к новому, неопределенному по времени восстанию, делать что-то такое, чему бы и сам, положив руку на сердце, не приискал настоящего названия.

В ту пору *Демократическое общество* (1835) стало более и более подчинять себе другие красные кружки и выдвигаться в эмиграции вперед, как бы главная, предводительствующая партия. *Общество Польских карбонаров*, *Общество права человека и гражданина* и другие стали мало-помалу меркнуть и сходиться с горизонта. Такими успехами Демократическое общество было обязано энергии и ловкости своих вождей, своему, так сказать, коллективному правительству, из пяти членов, которое заменило тогда начальствующие секции Парижа и Пуатье⁵², назвавшись Централизацией – слово, которое долго было употребляемо в Европе неточно и действительный смысл которого знали только посвященные.

Эти вожди, эти члены Централизации были люди образованные и бойкие писаки. Они выпустили в свет множество брошюр, которые читались с жадностью и с трепетом сердца всей молодежью эмиграции и края, чуть-чуть не заучивались наизусть и с течением времени (в соединении с другими элементами) образовали тот Народный катехизис⁵³, который, не будучи писан никаким каноником, имел и доныне имеет силу писаного религиозного устава для значительной массы поляков, жил и действовал долго и еще будет действовать в грядущих поколениях. Парадоксы, построенные с извращением исторических фактов предводителями сказанного кружка, были парадоксы самого заманчивого, эффектного свойства. Они нравились всем, и своим, и чужим, и в вихре этих красивых и звонких фраз закрутился не один солидный и крепкий ум. Надо отдать справедливость Централизации: она работала сильно и неутомимо. Она, а никакая другая партия, ворочала делами всех заговоров с того времени вплоть до наших дней. Это был враг, как враг, всех трех правительств, разделивших Польшу. Осталь-

⁵¹ и России; О собственности; О конституциях; О революционной силе; О народной войне; Ложная точка зрения, с которой до сих пор смотрели на шляхту; О Русских боярах и рабах; О героях России».

⁵² Но агитирующие секции по городам, равно в Париже и Пуатье, все-таки остались.

⁵³ Позже был напечатан и отдельно, под редакцией некоего Правдовского, который работал отдельно от Демократического общества, но иное из его трудов Демократическое общество решилось признать за свое произведение и самого Правдовского, по его значительному влиянию на массы, признавало почти своим членом. Но само общество катехизиса никогда не выдавало. Катехизис Правдовского напечатан в приложении к книге Самарина «Иезуиты и их отношение к России» (Москва, 1868). Вот, насколько известно, имена членов Централизации за десятилетие, с 1835-го по 1845-й: Лукьян-Иосиф Зачинский, Генрих Якубовский, Фома Малиновский, Адольф Христовский, Роберт Хмелевский, Александр Мольсдорф, Виктор Гельтман, Иван-Непомук Яновский, Иосиф Высоцкий, Людвиг Мирославский, Иван Альциата, Теофил Виснёвский, Альберт Дараш. Общество могло сменять членов Централизации ежегодно, на выборах, которые происходили в памятный для всех поляков день 29 ноября. Председателя в Централизации не было. Каждый из членов председательствовал неделю, поочередно. Жалование членов простиралось до 45 франков в месяц, если было сверх того вспомоществование от французского правительства, а если его не было, то 75 франков. Жили члены в высшей степени умеренно, даже бедно. Сюртук Якубовского, невероятного цвета, был известен целому Пуатье.

ные кружки, взятые вместе, не сделали и половины того, что сделало одно Демократическое общество.

Первый, основной парадокс, ставший польским *Credo*, который поляки надеялись навязать целой Европе, был такого свойства:

«Польша, слив воедино десять веков тому назад многие близкие друг к другу по языку, происхождению, нуждам и характеру поколения, развивала, в пределах известных сословий, демократическую идею славянства, подавленную в иных племенах чуждой властью и насилием, и одна защищала европейскую цивилизацию от напора всякой азиатской дичи: татар, турок и москалей».

«Когда же освобожденная человеческая мысль объявила на Западе войну старому порядку вещей, в защиту которого восстал могущественный абсолютизм Севера, Польша, как передовая стража европейской цивилизации, верная своему призванию, вступила в борьбу и в этой борьбе погибла. Абсолютизм окреп и усилился на ее могиле. Спасение Европы было отложено. Отсюда следует, что дело воскресения Польши необходимо для всех, есть дело не одной только Польши, а целого человечества».

Этими мыслями начинался знаменитый *Манифест* Демократического общества 1836 года, переведенный вскоре на три главных европейских языка: французский, немецкий и английский.

Конечно, тут подразумевалось, что все нации или хотя то в нациях, что стремится к истинной свободе, должны всемерно помогать Польше, думать об ее воскресении, как бы о своем собственном деле, стараться восстановить эту «передовую стражу европейской цивилизации».

Но это только подразумевалось. На самом деле помощи ни у кого не просили. Практические умы вождей очень хорошо понимали, что Европа не протянет им руки, когда вспыхнет революция, что это не в ее интересах, что Польша должна встать своими собственными силами. И потому строился еще такой парадокс:

«Всех поляков 20 миллионов (!). Если поднять всю эту массу, то можно ниспровергнуть коалицию всего света. Но как поднять? Как вдохнуть во всех одну отважную, доблестную душу? Нужно работать усердно, неусыпно, день и ночь, энергически; просвещать темных, все отдать народу и всего достигнуть единственно народными силами; очиститься от всех старых грехов, сделаться достойными великой роли, которую еще должна разыграть Польша перед вселенной – и тогда...»

Вот что главным образом лежало в основании принципов Демократического общества⁵⁴. Манифест не трогал некоторых чувствительных струн Европы и захватов. Последующее время наслоило много лишнего. Воображение новых, менее осторожных и церемонных сочинителей полетело гораздо дальше. В Европе новые авторы принципов уже не только не нуждались, но считали ее просто неспособной помочь такому делу, как освобождение Польши с другими, истыми славянами, слабой, одряхлевшей, измученной страшными трудами, которые она понесла для человечества. В русском правительстве усматривался главный враг, с которым никак не могло быть примирения, даже временного, лицемерного. Напротив, каждый поляк и каждая полька должны питать к нему постоянное недоверие, презрение и ненависть. «Матери в своих семьях, ксендзы на амвонах и во время исповеди, учителя в школах, все и везде должны научать этому один другого, напоминать один другому об этих не то что чувствах, но священных обязанностях всякого поляка»⁵⁵.

⁵⁴ Весь манифест можно видеть в сочинениях Гельтмана (*Demokracja Polska na emigracji*. Bibl. Pisarz. Polskich, XXXV. S. 3).

⁵⁵ Авейде, I, 106 и далее. Русский архив, 1870. S. 247–251.

Конарский, наслушавшись принципов Демократического общества, вскоре после его отбытия высказанных в *Манифесте*⁵⁶, помня кое-что из преданий *Юной Италии* и *Юной Польши*, наконец, набравшись кое-каких идей в Краковском кружке *Союз польского народа* (Stowarzyszenie Ludu Polskiego)⁵⁷ – пустил все это под собственной своей окраской сперва на Волыни, потом в некоторых частях Литвы. Он работал горячо и страстно, распространяя революционные брошюры, вербовал людей для будущей революции и заставлял их присягать по форме присяги *Союза польского народа*. В заключение он даже завел типографию, где печатал мелкие воззвания.

Централизация, узнав о таких решительных действиях Конарского и видя, что он чересчур горяч, увлекается ненужными подробностями, забывая о главном, действует иногда, как поэт, даже как ребенок, послала в край особых агентов отыскать счастливого проказника, постараться склонить его на свою сторону и ввести в комбинации, которые тогда замышляла. Но посланные его не нашли, и Конарский до конца руководствовался или советами друзей, или собственными фантазиями, будучи в главном все-таки ратником партии, которая его искала⁵⁸. Отыскать Конарского было нелегко: он укрывался под разными именами и одеждами по хуторам помещиков, по глухим монастырям, и наша полиция не знала об нем до тех пор, покамест Паскевич не получил известий из Франции о работах польских эмиссаров в нашей Польше, с прежними ее провинциями, причем сообщались имена и приметы главных, в том числе и Конарского. Само собой разумеется, что сейчас начались розыски⁵⁹. Конарский считал почему-то более удобным перебраться в это время на Литву под именем Януша Немравы (Неловкий), где пропагандировал с такой же смелостью.

В начале 1837 года государь был проездом в Вильне. Когда тамошний генерал-губернатор, князь Долгорукий, стал докладывать его величеству о совершенном спокойствии края, император заметил: «А Конарский?» – и показал депешу, свидетельствовавшую о работах Конарского с его друзьями в Литве.

Поднялась новая скачка всевозможных полицейских агентов. На многих почтовых станциях были посажены особые наблюдатели, которым приказано всматриваться во всех проходящих и проезжающих. Друзья советовали Конарскому скрыться. Один, даже почти насильно, подвез его на своих лошадях к границе; но Конарский находился тогда в положении игрока, которому сильно везет. Он уже верил в свою звезду и не сумел вовремя положить карты. Посмотрев на черту, за которой ожидало его вероятное спасение, он повернул назад, в край, –

⁵⁶ Конарский отправился весной 1835 года. Манифест выдан в начале 1836-го.

⁵⁷ Центральная власть этого кружка носила имя *Главного сбора* (Zbor Gdowny), где членами были депутаты от Земских сборов (Wyslancy zborów ziemskich), иначе сказать *Земель* (Ziemia), на которые делилась вся Польша 1772 года и которых было 7–9. Затем шли *обводы*, *округи*, гмины. Число членов *Главного сбора* было неограниченно. Сам Главный сбор мог принять, собственной своей властью, какое угодно лицо в свое лоно, если находил это нужным. Требовалось только присутствие при этом и согласие крестьянского представителя (representant włosciński), без которого заседание Главного сбора не имело надлежащей силы и значения. Всякое заседание Главного сбора и других открывалось следующей молитвой председателя: «Боже, который прежде всего установил любовь к ближнему, пошли благословение собравшимся во имя Твое; дай восторжествовать добродетели; положи предел господству преступлений; избавь Твой народ от рабства; наполни сердца наши, споспешествуй намерениям нашим. Аминь!» Затем председатель произносил соответствующую обстоятельствам речь, и заседание начиналось. Если было кого принять – принимали, приведя к присяге.

⁵⁸ Альциата (*Wypadki w 1846 roku*, s. 154). Он говорит между прочим: «Если бы работы Конарского вошли в комбинацию, которой инициатива принадлежала Централизации, то приготовили бы, может статься, верные материалы для восстания».

⁵⁹ Приказ Паскевича военному генерал-полицеймейстеру действующей армии о розыскании Конарского носит дату: 5/17 сентября 1835 года № 1171. Но была еще прежде общая бумага, в виде письма, написанного по приказанию фельдмаршала к тому же лицу (генерал-майору Стороженке) от 21 июня (3 июля) 1835 года, № 801, где перечислены все выехавшие тогда из Франции эмиссары: Луциан Платер, под именем Лоренса (Laurence), Михайло Карский (он же Донский), Наполеон Эгерсдорф, Леон и Адольф Залесские, Михаил Ходзько и Симон Конарский, с обозначением их примет. Приметы Конарского означены так: «Лет 25–30, роста среднего, волосы светло-русые, брови светлые, глаза голубые, нос короткий, рот обыкновенный, усы и гишпанка русые, лицо круглое, здорового цвета; тучен. Псевдоним: Гайпельман или Гагельман».

и очутился на так называемых Свентоюрских контрактах в Вильне, где едва не попался⁶⁰. Это было весной 1838 года. Какой-то студент Виленской Медико-хирургической академии вывез Конарского по Минскому тракту, но на станции Кржижовице оба они были арестованы и отправлены в Вильну, единственно потому, что Конарский, во время перемены лошадей оставшийся на телеге, чересчур прятал свое лицо в воротник шинели⁶¹.

В Вильне очень скоро дознались, *кто это*. Началось следствие, которое обнаружило довольно обширный заговор, обнимавший Литву, юго-западные губернии и Царство Польское и имевший правильную организацию, народную кассу и типографию. Он носил название: *Союз народа польского или Конфедерация блюстителей польской народности* (Stowarzyszenie Narodu Polskiego, czyli Konfederacya stróżów Narodowości Polskiej)⁶².

Множество разного народу было привлечено к этому следствию и посажено под аресты, строгий в Варшаве и до невероятности снисходительный в Вильне. Сам Конарский содержался в бывшем здании Базильянского монастыря, где содержался, четырнадцать лет перед тем, Мицкевич с товарищами Филаретами и Променистыми⁶³.

Многие караульные офицеры, поляки и русские, всячески облегчали Конарскому его заточение: брали от него записки и передавали другим арестантам или кому-нибудь в городе. Конарский, незадолго до казни, написал стихи, где в одном месте отказывается от Бога и неба, но кончает четверостишием, смысл которого таков: «В этой келье пережил я страдания всех сердец, отсюда видел Польшу, залитую морем слез... Там не думал о жизни, здесь не думаю о душе. Только Польшу спаси, о Господи!»

Потом написал он письмо к матери, где опять становится верующим и богобоязненным католиком. Как-то случилось, что то и другое дошло до потомства⁶⁴.

В день его казни, 13 февраля ст. ст. 1839 года, огромные толпы народа облегали кругом, с самого раннего утра, лобное место за Троицкой заставой.

Осужденного привезли в саних, в 12-м часу дня. Всю дорогу он бросал народу разные отрывочные фразы, а в одном месте вынул из саней ногу и тряхнул цепями. Раз жандармы, скакавшие около саней, загородили его от народа, и он сказал: «Посторонитесь, братцы, добрые люди хотят меня видеть!» Перед тем как должно было остановиться, Конарский произнес: «Какая толпа! Умираю, точно король!»

Когда стали надевать смертную рубашу, Конарский обратился к распорядившемуся экзекуцией офицеру и просил не завязывать ему глаза, но этого не нашли возможности исполнить. Повязка сбила голубую шапочку, бывшую на голове осужденного, – подарок его коханки Эмили. Он попросил кого-то, чтобы ее надели опять, и это было сделано.

Лишь только труп упал, массы людей, вероятно сговорившись заранее, бросились к столбу, кололи и резали его ножами, чтобы иметь на память куски дерева, к которому был привязан Конарский. Кто-то вырвал из рук квартального голубую шапочку и пропал с ней в толпе. Похитили из саней верхнюю одежду расстрелянного. После ходили слухи, что труп, зарытый на месте казни, был вырыт; а из цепей дамы поделали себе кольца. Рассказывалось вообще много странного и невероятного. Следственные комиссии, сменявшие одна другую, были сбиты с толку. Одна как бы нападала на след нового заговора, другая находила такие

открытия излишним увлечением следователей. Тюрьмы то наполнялись арестантами в такой степени, что не знали, куда сажать, то пустели снова. Из всего написанного об этом вре-

⁶⁰ Подробности об этом в брошюре (кажется, Леона Зенковича): «Szymon Konarski, Paryż», без года, стр. 17–18, если только ей можно верить.

⁶¹ Цитируется брошюра, стр. 18. Авейде говорит, что за ними была отправлена погоня. I, 166.

⁶² Присягу этого общества см. в Приложениях.

⁶³ Об этих и других партиях в Вильне см. Мохнацкий М...Т. II. Познань, 1863. С. 201.

⁶⁴ Стихи можно видеть в брошюре «Szymon Konarski», с. 23–27. Все чересчур богохульное там, однако, выпущено, но многие поляки знают эти выпущенные места наизусть. Письмо Конарского к матери см. в Приложении 6.

мени (тотчас после казни Конарского) официально и неофициально едва ли извлекут когда-нибудь настоящую истину.

Глава вторая

Заговоры и революционные взрывы 1846 года

На всем пространстве Польши царствовало внешнее спокойствие несколько лет сряду; тем не менее подземные силы работали своим чередом под руководством той же Централизации, работы которой, в соединении с Демократическим обществом, тогда образовавшимся, клонились к тому, чтобы подготовить Польшу к той общеевропейской революции, о которой говорилось между всякими революционерами давно и которая, по их расчетам, могла вспыхнуть весьма скоро.

В 1839 году агенты общества, управлявшие секциями и округами, получили приказание Централизации переформировать эти секции и округа из ведущих пропаганду на гражданскую и военную иерархию. Между 1840 и 1841 годами эта организация стала мало-помалу принимать определенный образ. Прежде других устроились: Великое Княжество Познанское, Западная Пруссия, Вольный Краковский округ, с воеводством того же имени в Царстве, Галиция по реке Сан и незначительная часть Малороссии⁶⁵. Позже остальная часть Царства, Жмудь, небольшая часть Литвы и Восточной Галиции⁶⁶.

Иосифу Высоцкому, хорошо образованному офицеру бывших польских войск, Централизация предложила открыть в Париже курс военных наук для молодых поляков, а Мирославского просила быть ему вроде помощника по той же кафедре. Мирославский, до тех пор воевавший с Централизацией в журналах целых семь лет, со времени ее основания (1834–1842), и укоряемый ею и многими другими партиями за то, что променял родной язык на французский, охотно согласился помогать Высоцкому: во-первых, потому что, в сущности, был дитя тех же принципов, а во-вторых, смертельно любил рисоваться перед публикой, ораторствовать, учить. Ему как бы польстили, сделав его профессором молодежи. Он стал бойцом Демократического общества, бойцом Централизации, какого она еще и не видала, бился за нее против всех кружков и в ноябре 1842 года принят в члены Демократического общества, в секцию Парижа⁶⁷.

Между кружками, желавшими ускорение взрыва, был опаснее всех кружок так называемых Плебеев (P^{be}zów) под начальством Стефанского, в Тарновском округе Восточной Галиции. Он состоял по преимуществу из ремесленников. Все усилия Централизации подчинить его своей власти, а равно подобный ему кружок в Царстве Польском, ксендза Сцегенного, были тщетны. По крайней мере, еще Стефанский с ремесленниками только шумел и грозил подняться, но не поднимался; а Сцегенный со своими крестьянами, вопреки советам чуть ли не целого Царства и множества друзей в Галиции и Познани, произвел возмущение в Кельцах (1844), кончившееся для него и для его сообщников очень печально: его подвели под виселицу и сослали в каторжную работу, а подчиненных ему крестьян (13 человек) наказали шпицрутеном и тоже сослали в каторжную работу⁶⁸.

Общество (внутреннее, в краю) и его провинциальные секции на некоторое время сблизились и выказали род повиновения уполномоченным агентам Централизации, между коими был даже и член ее, Малиновский, человек серьезный, осторожный, враг всего хаотического и

⁶⁵ В показании 14 октября 1846 года в Познани Мирославский на вопрос, что он разумеет под именем Малороссии, отвечал: «Волинь, Подол и Украину, землю между Днепром, Днестром, Припятью и Черным морем. На востоке Малороссия граничит с Полтавской губернией, на западе – с Галицией, на юге – с Бессарабией, на севере – с Литвой. Главные города: Киев, Каменец и Житомир».

⁶⁶ Показания Мирославского в Познани 10 октября 1846 года.

⁶⁷ Его же показания в Познани 10 октября 1846 года.

⁶⁸ Воззвание Сцегенного, в виде послания папы Григория, см. в Приложении 7.

бесхарактерного. Он жил тогда в Прусской Польше и видел хорошо, что заговору до надлежащей зрелости еще далеко и о взрыве мечтать может разве какой-нибудь безусый мальчик.

К концу 1844 года, едва полиции трех держав попритихли, кружки нетерпеливого свойства снова начали бурлить и выходить из повиновения Централизации. Кроме Стефанского, опять отделившегося, явился довольно сильный и влиятельный кружок какого-то Мальчевского и хотел забрать все в свои руки. Малиновский, пробившись с ними понапрасну, бросил все и уехал в Версаль – тогдашнее местопребывание Централизации. На заседании, назначенном по поводу его возвращения, был обсуждаем вопрос: «Что же теперь делать? Оставить ли несогласные с Демократическим обществом партии на произвол судьбы и самим продолжать работы в том же духе, то есть готовить материалы к возможно скорой революции, или поискать еще средства к примирению с партиями и удержанию всей массы заговорщиков в зависимости от Централизации?»

Мнение Малиновского было: бросить несогласные партии, исключить их из союза. Но Альциата возразил, что эта мера не годится, потому что приведет к несвоевременному и бесплодному взрыву, который, без сомнения, потрясет и общество, погубив множество преданных людей, и остановит его действие на самое неопределенное время. Он добавил, что увлекаться в негодовании на такой ход дел и терять от этого энергию несправедливо, что иначе заговор идти не может; что это нетерпение иных весьма естественно, но что они все находятся под гнетом наблюдающих за ними правительств, под страхом быть ежеминутно открытыми. Взглянув, стало быть, на отпадение товарищей с этой снисходительной точки зрения, необходимо (полагал Альциата) еще раз воззвать к примирению: обещать скорый взрыв и действительно идти к нему всеми силами, чтобы это было

для всех заметно; и, если посчастливится дойти хотя до приблизительного окончания приготовлений, подать знак.

С таким мнением большинство согласилось. На стороне Малиновского оказался только один приятель его Якубовский, такой же осторожный революционер, если только еще не больше. Малиновский подал в отставку, сделавшись, по правилам Демократического общества, обыкновенным его членом. (Выйти совсем из общества он не мог.) На его место был предложен Мирославский – в виде искры, которая должна была воспламенить подготовленные мины, оживить затянувшиеся работы⁶⁹.

Действительно, если искали такой искры, трудно было найти что-либо соответственное. У Мирославского давно строились в уме планы, как подвинуть дело вперед. Сверх того, он был тех убеждений, «что даже самые ошибки, самые бесплодные революционные предприятия (как, например, Заливского), если только поведены по плану предводительствующей школы, принесут этой школе несравненно более выгод, нежели спокойная десятилетняя пропаганда»⁷⁰.

В Централизации все изменилось. Из тихой и медленной она стала бурной и стремительной. Мирославский как оратор, как человек живой и неуступчивый легко забрал в руки своих спокойных и миролюбивых товарищей. Он сделался чем-то вроде бессменного председателя Централизации. Чтобы удовлетворить начертанному плану, то есть вести заговор к скорейшему взрыву и расположить нетерпеливых в свою пользу, Централизация разослала приказание по главным секциям, чтобы они изменили, как можно поспешнее, свои комитеты на особую военную организацию, правила которой тут же и сообщались. Уполномоченные агенты Централизации⁷¹ принялись работать взапуски друг перед другом. Все это были сильно-крас-

⁶⁹ Все это из показаний в Познани, 10 октября 1846 года, и из статьи Альциаты: *Wypadki w 1846 roku*, Biblioteka Pisarzy Polskich, t. XXIX.

⁷⁰ Показания 9 октября 1846 года в Познани.

⁷¹ В Галиции действовал Виснёвский, в Малороссии Руфин Петровский, по арестовании которого (в декабре 1843 года) на его место назначен Виснёвский, а на место последнего в Галицию – Эдуард Дембовский. Мирославский скрыл еще двоих, в чем и сам признается.

ные, исключая одного Гельтмана, управлявшего заговором в княжестве Познанском и в некоторой части Русской Польши. Он был довольно умеренный человек, и ему вверена была высшая власть – заведование всеми другими частями. Он один сдерживал кое-как необузданных.

В Русской Польше, вследствие арестов по делу ксендза Сцегенного и усилившихся потом наблюдений за всяким беспокойным народом, военная организация заговорщиков долго не устанавливалась. Литва помнила еще казни Конарского, Волловича и последовавшее затем опустошение в рядах союза и неохотно шла на удочку агентов Версаля. Малороссия никогда не обещала много повстанцам. Только Вольный Краковский округ с некоторой частью Галиции и Познанского княжества завели довольно скоро кое-какую военную организацию и, вообразив, что дошли до конца, обнаруживали сильное нетерпение. Гельтман дал знать товарищам в Версаль, что он еще ладит с прежними кружками, но явилось много новых, которые никого не хотят слушать и рвутся к восстанию; что необходимо поэтому прислать в край военного человека со значением, кто бы мог или задержать движение, или (когда найдет это неудобным) направить все таким образом, как будет лучше в военном отношении.

Централизация отправила в Познань Мирославского, чтобы он осмотрел положение дел с чисто военной точки зрения и решил, отвечают ли средства заговора тому нетерпеливому стремлению, какое вообще выказывается в партиях.

Мирославский прибыл в Познань в начале марта 1845 года, увиделся немедленно с Гельтманом и узнал от него следующее. Партия Мальчевского, будучи скомпрометирована, не находила для себя иного выхода, как сблизиться с Демократическим обществом. Ей последовали в княжестве Познанском так называемые *Старые* и *Плебеи*. В Галиции сторонники *жизненной правды* (*prawda żywotna*) и *федерация* тоже изъявили готовность слушаться военного вождя. Из Варшавского комитета пришли довольно благоприятные известия со стороны примирения советов, но организация (писали) там еще все слаба. Малороссия давала знать, что инициативы в деле восстания взять на себя не в состоянии, а готова идти в след за Восточной Галицией во всем, что бы последняя ни предприняла.

Взяв все это во внимание, Мирославский с Гельтманом постановили не начинать ничего до 1846 года, а продолжать дальнейшие приготовления к возможно скорой революции: приобретать сочувственных людей во всех сословиях, собирать деньги и делать другие необходимые восстанию запасы.

Приобретение людей не представляло далеко тех затруднений в Прусской и Австрийской Польше, как в Царстве. Страх имени Паскевича, Варшавской цитадели, Сибири и солдатской карьеры на Кавказе или в Оренбургских батальонах был тогда таков, что охлаждал горячность самых отчаянных. Командовать будущими фантастическими отрядами повстанцев в Русской Польше охотников было немного. Печальные опыты Завиши, Дзевицкого и других были еще у всех в памяти. В особенности трудно было найти командующего центральными силами Царства, то есть в Варшавской губернии. Об этом Централизация рассуждала не раз еще до Мирославского и потом при Мирославском. Наконец из рапортов Познанской организации было усмотрено, что есть в виду на это место человек с именем, со средствами и кое-каким влиянием в обществе, даже немного военный, только, к сожалению, *белый*, который (как все эти так называемые попросту *панки*) привык вести жизнь совершенно праздную, среди охот, конских скачек, ярмарочных съездов и женщин, не думая ни о каком отечестве, – и еще менее о каких-либо революциях. Речь была о богатом познанском помещике Брониславе Домбровском, сыне известного генерала наполеоновских времен, «воеводы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.